

Отряд держал путь к заброшенному Поместью Лошуй в землях Цзяннани. Дорога выдалась спокойной, без явных опасностей, однако зрелище пустых, вымерших деревень и толп изможденных беженцев не могло не угнетать. То, что некогда богатый и процветающий край пребывал в таком запустении, вызывало тревогу за судьбу всей Поднебесной. Путники прищипорили коней, и лишь когда они углубились в южные провинции, следы разорения стали исчезать. Это немного успокоило друзей: казалось, хаос еще не успел охватить весь мир.

Поместье Лошуй располагалось вовсе не у берегов реки Ло, а в одном из величайших городов Цзяннани — Ханьяне, неподалеку от живописного озера Сиху. Само место постройки говорило о баснословном богатстве семьи Ло. Однако Ло Си в последние дни угасал на глазах. Юноша страдал от приступов головокружения и слабости, точно после тяжелой изнурительной болезни.

Мо Ханьчи, видя это, не находил себе места. Он стал непривычно серьезным и заботливым, то и дело донимая друга расспросами, не хочет ли тот чего-нибудь съесть. Даже когда Ло Си проваливался в забытие, Ханьчи будил его, заставляя проглотить хоть кусочек. Все было тщетно. Духовные силы юноши были истощены; еще немного, и его душа могла окончательно покинуть изможденное тело, отправившись на круг перерождений.

Сяо Саньцзы тоже сбился с ног, пытаясь отыскать толкового лекаря, но поиски не давали плодов. Наконец, когда в карете Ло Си впал в беспробудный сон, длившийся сутки, Мо Ханьчи в отчаянии обратился к Су Цзии:

— Должен же быть какой-то способ! Неужели ты ничего не можешь сделать?

Су Цзии долго молчала, а затем обронила:

— Все зависит от того, на какую жертву ты готов пойти.

— Говори же!

— Кровь Бай У, — коротко ответила она.

Мо Ханьчи решительно затряс головой:

— Нет. Должен быть другой выход.

— Обычные пилюли бессмертных сейчас не достать. Помочь может только чужое «золотое ядро» или нечто равное ему по силе.

— Это... убьет того, кто его отдаст?

— Нет, — Су Цзии отвела взгляд. — Но путь самосовершенствования для него будет закрыт навсегда.

— Погоди здесь. Я пойду... поймаю какого-нибудь демона, — бросил Мо Ханьчи и пулей выскочил из кареты.

Су Цзии лишь печально вздохнула ему вслед:

— Бестолковый... Где ты среди бела дня в людном городе найдешь сильного духа? Да и сумеешь ли ты переплавить его искру в лекарство?

Мо Ханьчи тем временем умчался в пригород. Убедившись, что вокруг ни души, он опустился на землю и скрестил ноги. Его лицо исказилось и побледнело, а по телу пробежала волна синеватого сияния. В его духовном средоточии — «пурпурном чертоге» — уже успела сформироваться крохотная серебристая сфера. Ханьчи, не раздумывая, совершил невозможное: он силой вытолкнул собственное ядро наружу.

Вместе со сгустками крови на его ладонь опустилась сфера, мерцающая лазурным светом. Любой заклинатель, узнав о подобном поступке, назвал бы юношу безумцем. Год изнурительных тренировок, каждое мгновение тяжелого труда — все пошло прахом. Он собственноручно разрушил свою основу. Мо Ханьчи почти не почувствовал боли, но земля под ногами внезапно стала невыносимо тяжелой, а связь с Бахуаном, его верным клинком, оборвалась. В сердце кольнул страх, но юноша упрямо сжал кулаки. Попробовав призвать меч, он ощутил лишь слабый, едва заметный отклик.

«Ничего, — успокаивал он себя, — вернусь в орден и начну всё сначала».

Вернувшись в карету, Мо Ханьчи дождался момента, когда Су Цзии отвернется, и вложил светящуюся сферу в уста Ло Си. Когда серебристое ядро растворилось в теле друга, сердце Ханьчи на миг зашло в бешеном ритме.

Чудо произошло. Спустя несколько дней, как раз когда отряд достиг ворот поместья Лошуй, Ло Си полностью пришел в себя. Более того, юноша ощутил, что его собственные силы не просто восстановились, а перешли на новую ступень. Когда он в недоумении спросил, что же произошло, Су Цзии лишь уклончиво ответила, что Мо Ханьчи раздобыл для него некое редкое снадобье. Сам же Ханьчи только отшучивался, скрывая правду за привычной бравадой.

Наконец перед ними предстало Помесье Лошуй. Некогда величественная табличка над воротами теперь висела косо, сиротливо поскрипывая на ветру. Золотые иероглифы потускнели, а темные, почти черные пятна запекшейся крови на дереве бросались в глаза зловещим напоминанием. Гордый каменный лев с отсеченной половиной головы всё так же безмолвно охранял облезлые ворота. С той страшной ночи прошло три года и четыре месяца.

С того момента, как повозка остановилась, Ло Си не проронил ни слова. Он стоял перед домом

своего детства, но долго не решался переступить порог. В памяти еще были живы картины былого величия: шумная толпа гостей, ряды услужливых слуг, подносящих мягкие подушки, когда молодой господин сходил с коня. Лишь теперь, видя прах и разорение, он в полной мере осознал, насколько сказочно богата была его семья.

Ло Си шагнул через высокий порог и толкнул тяжелые створки. Двери отозвались глухим, надрывным стоном. В лицо ударило облако удушливой пыли. Мо Ханьчи негромко закашлялся, и Ло Си обернулся. Он смотрел на друга с немой благодарностью за то, что тот прошел этот путь вместе с ним.

В поместье царил мертвая тишина. Лишь шелест опавших листьев да эхо их собственных шагов нарушали покой разоренного гнезда. Миновав пустые залы, они вышли к боковому флигелю. Мо Ханьчи толкнул дверь в небольшой дворик. К удивлению путников, даже изысканные нефритовые украшения сада остались на своих местах, покрытые толстым слоем пыли.

— Здесь была моя комната, — тихо произнес Ло Си, смахивая пыль с перил. — Два этажа... Здесь жили я, моя кормилица и служанки.

— Неужели такое место навсегда останется в запустении? — спросила Су Цзии.

— Нет, — отрезал Ло Си. — Когда я свершу месть, Поместье Лошуй возродится.

Они долго шли по запутанным переходам, пока не оказались перед фамильным храмом. В родном городке Мо Ханьчи тоже было подобное место, но оно открывалось лишь по великим праздникам. Храм семьи Ло поражал роскошью отделки, недоступной простым смертным. Однако внутри было на удивление чисто. На широком алтаре ровными рядами стояли белоснежные поминальные таблички.

Мо Ханьчи остался у входа. Он внимательно читал имена предков рода Ло, вырезанные на дереве, словно пытаясь разделить с другом ту невыносимую тяжесть мести, что превратила жизнерадостного юношу в холодного и сурового воина. Глядя на бесконечные ряды имен, Ханьчи думал о том, скольких людей лишили жизни в ту ночь. Если бы такое случилось в его городке, он не смог бы ждать долгие годы — он бросился бы в бой немедленно, не зная страха и пощады.

Внезапно Мо Ханьчи замер, глядя на последнюю табличку. Аккуратные иероглифы показались ему до боли знакомыми.

«Поминальная табличка Ло Си, прямого наследника рода Ло, по прозвищу Сечжи».

Ханьчи прочитал это вслух, каждое слово отдалось эхом под сводами храма. Су Цзии с тревогой посмотрела на Ло Си, который застыл на коленях перед алтарем.

— В ту ночь Ло Си должен был уйти вместе со всеми, — не оборачиваясь, проговорил юноша.

Мо Ханьчи вошел внутрь и отвесил земной поклон перед табличкой с именем друга.

— Пускай «призрак» господина Ло остается здесь, — твердо произнес он. — А живого Ло Си я заберу с собой на Куньлунь.

<http://bllate.org/book/17550/1713711>